

Научная статья
УДК 94(470)“16/18”
doi: 10.54398/1818510X_2023_2_26

УСТАНОВЛЕНИЕ ГРАНИЦ КОЧЕВЫХ ТЕРРИТОРИЙ СТАВРОПОЛЬСКИХ ТУРКМЕНОВ
В НАЧАЛЕ XIX в.

Кольцов Пётр Михайлович¹, Шургучинов Роман Саналович²

^{1,2} Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

¹ petr.koltsov52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9776-3650>

² shur99rom@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-7463-0136>

Аннотация. Статья посвящена вопросу установления границ кочевых территорий ставропольских туркменов после 1771 г., которые оказались в ситуации отсутствия собственных пастбищных территорий. В XVIII в. туркмены были включены в систему кочевых мест калмыцких улусов, но после ликвидации Калмыцкого ханства они оказались вытеснены на Ставропольское нагорье, которое было неблагоприятным районом для функционирования традиционного кочевого пастбищного скотоводства. Для эффективного использования природных ресурсов в условиях кочевого хозяйства требовались установленные территории летних и зимних кочевий. С начала XIX в. туркменское население предпринимает попытки вернуться к прошлой традиционной системе совместных кочёвок с калмыцким населением, когда туркмены кочевали «след в след калмыкам». Следует отметить, что попытки российской администрации разделить калмыков и туркменов оказались безуспешными, что привело к тому, что в 1809 г. власти удовлетворили ходатайство о присоединении ставропольских туркменов к калмыкам. Сразу после объединения калмыков с туркменами встал вопрос уже об отводе земель «трукменскому народу принадлежащих». Российская администрация отмечала, что хотя р. Кума считается границей между калмыками и другими кочующими народами «магометанского вероисповедания», но для туркменского населения было сделано исключение и разрешено кочевать по следам калмыков по бассейну р. Калаус и по Ергенинской возвышенности. Установление кочевых территорий ставропольских туркменов в начале XIX в. привело к появлению условного термина «Трукменская степь». В перспективе это привело к периоду длительных территориальных и имущественных споров между калмыками и жителями Кавказского края, которые решились сами собой по мере роста крестьянской колонизации в Ставропольскую губернию.

Ключевые слова: история России, история Юга России, история Ставропольского края, ставропольские туркмены, калмыки, кочевники, кочевые территории, традиционное скотоводство, традиционное землепользование, набеги

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX в.)» (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

Для цитирования: Кольцов П. М., Шургучинов Р. С. Установление границ кочевых территорий ставропольских туркменов в начале XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 26–31. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_26.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

ESTABLISHMENT OF NOMADIC LANDS OF STAVROPOL TURKMENS
AT THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

Peter M. Koltsov¹, Roman S. Shurguchinov²

^{1,2} Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russia

¹ petr.koltsov52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9776-3650>

² shur99rom@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-7463-0136>

Abstract. The article is devoted to the issue of establishing the boundaries of the nomadic territories of the Stavropol Turkmens after 1771, who found themselves without their own pasture territories. In the XVIII century, the Turkmens were included in the system of nomadic places of the Kalmyk uluses, but after its liquidation of the Kalmyk Khanate, they were displaced to the Stavropol highlands, which was an unfavorable area for the functioning of traditional nomadic pastoral cattle breeding. For the effective use of natural resources in the conditions of nomadic economy, the established territories of summer and winter nomads were required. Since the beginning of the XIX century the Turkmen population is making attempts to return to the past traditional system of joint nomads with the Kalmyk population, when the Turkmens roamed «in the wake of the Kalmyks». It should be noted that the attempts of the Russian administration to separate the Kalmyks and Turkmens were

unsuccessful, which led to the fact that in 1809 the authorities granted the petition for the accession of the Stavropol Turkmens to the Kalmyks. Immediately after the unification of the Kalmyks with the Turkmens, the question arose about the allocation of lands belonging to the "Trukhmen people". The Russian administration noted that although the Kuma River is considered the border between the Kalmyks and other nomadic peoples of the "Mohammedan faith", an exception was made for the Turkmen population and it was allowed to roam in the Kalmyks' footsteps along the Kalaus River basin and the Ergeninsky Upland. The establishment of nomadic territories of Stavropol Turkmens in the early XIX century led to the emergence of the conditional term "Trukhmen steppe". In the future, this led to a period of long-term territorial and property disputes between the Kalmyks and the inhabitants of the Caucasus Region, which were resolved by themselves as peasant colonization in the Stavropol province grew.

Keywords: history of Russia, history of the South of Russia, history of the Stavropol Territory, Stavropol Turkmens, Kalmyks, nomads, nomadic territories, traditional cattle breeding, traditional land use, raids

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 "Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX – mid XX centuries)" (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

For citation: Koltsov P. M., Shurguchinov R. S. Establishment of nomadic lands of Stavropol Turkmens at the beginning of the XIX century. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 2 (75), pp. 26–31. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_26.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В Ставропольском крае расположен Туркменский район, в котором проживают туркмены. Исторически туркмены кочевали в степях Восточного Прикаспия. В середине XVII в. несколько групп туркменов двинулись в пределы Северо-Западного Прикаспия, где оказались инкорпорированы в состав улусов Калмыцкого ханства.

В традиционном туркменском обществе скот всегда являлся главным мерилем богатства и успеха. В условиях аридных территорий Северного Прикаспия кочевое скотоводство было единственным и необходимым условием традиционного образа жизни туркменского населения Ставропольской губернии. Долгое время туркмены Ставропольской губернии кочевали в пределах Калмыцкого ханства, что привело к появлению у них постоянных территорий летних и зимних кочевий. Однако после ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. туркмены оказались вытеснены на Ставропольское нагорье. Песчано-солонцеватые степи в этом регионе во всех направлениях прорезаны крутыми балками, которые наполняются водой только весной и осенью, а также соляными озёрами и солонцами. Данный край был достаточно беден водными ресурсами, что приводило к тому, что жители широко использовали воду из колодцев, примитивных копаней или родников. При этом до 1802 г. вокруг г. Ставрополя находилось много лесных массивов, что усложняло ведение традиционного кочевого скотоводства. В административном отношении кочевники проживали в составе особого административного района Трухменское приставство [7, с. 59].

Целью исследования является рассмотрение установления границы кочевий в новых условиях и на новых территориях туркменского населения.

Источниковую базу исследования составляют работы по истории хозяйства и культуры ставропольских туркмен (И. Л. Щеглов, С. В. Фарфоровский, А. А. Володин, И. В. Бентковский, М. Тумаилов А. В. Курбанов) [11; 10; 4; 1; 9; 8]; архивные материалы [5; 6].

Основная часть

В «Деле, составленном из разных бумаг прежних лет, нужных для ведения производства» Государственного архива Ставропольского края упоминаются вопросы определения и установления границ кочевых территорий туркмен Ставропольского края в начале XIX в. Так, 6 мая 1803 г. приставом при туркменском народе был назначен статский советник Дзюбин, который должен был принять дела у «бывшего при трухменцах в должности Пристава Штаб Капитана Филатова», а затем отправиться на «место Кочевье Трухменцов вступить в отправление приставской должности». Новоназначенный в должности пристав при трухменском народе должен был стараться о соблюдении «тишины и спокойствия между Народом, вверенным смотрению Вашему, прекращая <...> противные общим государственным узаконениям и народным обычаям встретиться могущие последствия в самом их начале, имея особливую вашу обязанностью доставлять по доходящим до вас жалобам каждому справедливое и непродолжительное удовлетворение». Также пристав должен был «елико возможно по чисту обозревая их кочевье наблюдать, чтобы между народом сим не могли укрываться под видом проживающие какие-либо беглые люди, и воинские дезертиры, и буде найдутся, за присмотром присылать их ко мне для отсылки <...> со описанием всех обстоятельств с приложением допросов таковых преступников при рапорте присылать ко мне» [5, л. 3–3 об.].

В числе прочих обязанностей пристава была также поставлена задача «особенно смотреть, где трухменцы до сего не кочевали: то стараться их благопристойно отводить, чтобы они в те места не входили, и жили б между соседями своими дружелюбно». Это явно указывает на то, что границы территории кочевий ставропольских туркмен были не определены. Отсутствие границ кочевых мест приводило

к постоянным конфликтам с соседними народами, решить эту проблему мирным путем и должен был новый пристав. Далее в документе указывается предыстория сложившейся проблемы кочевых территорий: «И как по делу известно, что трухменцы с первоначального прихода в подданство российское при калмыцком Аюке хане кочевки всегда с калмыками до побега калмыцкого в 1770 г. бывшаго и по том также до ныне по тем самым местам, как и прежде, в летнее время кочуют след в след калмыкам, то ежели состоит калмык каковое будет» [5, л. 4].

Во время ухода калмыков в Китай в 1771 г. туркмены, проживавшие совместно с калмыцким народом, частично были вовлечены в процессы миграции, но сумели вернуться обратно на Волгу. Это стало причиной того, что в 1785 г. астраханский губернатор Н. Бекетов дал им указание кочевать по р. Куме совместно с калмыками. Высочайшим рескриптом от 9 мая 1785 г. велено было «не причислять и их ни к кизлярским татарам, ни к калмыкам, но числить их в том уезде, где находятся», что стало причиной автономного существования 1 400 кибиток туркменских семей [11, с. 56].

Вместе с тем для эффективного использования природных ресурсов в условиях кочевого хозяйства требовались установленные территории летних и зимних кочевий. Так, в период Калмыцкого ханства туркмены кочевали вместе с калмыцкими улусами, но после 1785 г. кочевые места для туркменского скотоводства ограничили небольшими территориями вокруг г. Моздока. Соседние калмыки и ногайцы, не пуская на свои территории, объективно мешали туркменам вернуться к традиционным методам скотоводства. В конечном итоге, ставропольские туркмены в 1806 г. обратились к министру Внутренних дел В. П. Кочубею с ходатайством о «причислении их вновь к калмыкам, под начальством ханов, в которых они состояли со времён Петра Великого, освободить их от содержания почты и развозки провианта, и поручить их калмыцкому хану» [11, с. 57].

Следует отметить, что установление границ кочевых территорий туркменов в пределах только правого берега р. Кумы, где они активно конкурировали за кочевые места с ногайцами, оказалось слабо реализуемой задачей, вследствие чего спустя несколько лет оживлённой переписки российские власти пришли к практическому выводу о необходимости удовлетворить ходатайство и решить вопрос о кочевых территориях ставропольских туркменов простым присоединением их к калмыкам как во времена Калмыцкого ханства.

11 марта 1808 г. из Тифлиса от главнокомандующего в Грузии и астраханского генерал-губернатора, графа И. В. Гудовича последовал ордер управляющему калмыками и прочими народами господину полковнику и кавалеру А. И. Ахвердову, в котором он приказывал подать сведения о «положениях и предписаниях, какие были <...> трухменским татарам в Кавказской губернии кочующих» [5, л. 42]. Через месяц, 11 апреля 1809 г., граф И. В. Гудович переслал трухменскому приставу майору Я. Ростованову копию с отношения товарища министра иностранных дел А. Н. Салтыкова, в котором повелевалось Е. И. В. присоединить трухменских татар к калмыкам [5, л. 57].

26 сентября 1809 г. управляющий калмыками и прочими народами, полковник А. И. Ахвердов направил предписание «трём родам трухменского народа, кадиям, афендиям, старшинам и всему обществу», из содержания которого становится понятно, что инициатива присоединения туркмен к калмыкам, поддержанная российской администрацией, исходила от самих ставропольских туркмен. Так, он писал: «По принесённой вами просьбе бывшему главнокомандующему в здешнем крае Его Сиятельству господину Генерал-Фельдмаршалу и всех российских орденов кавалеру Графу Ивану Васильевичу Гудовичу и по всеподданнейшему Докладу товарищем министра иностранных дел господина тайного советника и кавалера графа Александра Николаевича Салтыкова, Его Императорского Величества указать соизволили причислить вас к калмыкам под одно начальство, во исполнение каковой Высочайшей воли Его Сиятельство граф Иван Васильевич Гудович предписать изволил мне принять вас в мое управление и употреблять наравне с калмыками на службу, и вместе с тем дал своё предписание Управляющему Вами Господину надворному советнику Ахвердову. От которого и дела по части вашей мною уже приняты купно с приставом при вас находящимся Г. майором Ростовановым; Я давая вам знать о Высочайшем Е.И.В. соизволении предписываю чтоб вы с сего времени по всем вашим нуждам и делам относились ко мне, и с моей стороны как есть защитник и ваш исходатай постараюсь всякому обиженному доставить <...> защиту и покровительство» [5, л. 57].

Сразу после объединения калмыков с туркменами встал вопрос уже об отводе земель «трухменскому народу принадлежащих». Российская администрация отмечала, что хотя р. Кума считается границей между калмыками и другими кочующими народами «магометанского вероисповедания», но по многочисленным просьбам и жалобам туркменского населения пришла к выводу, что туркменам можно разрешить переходить р. Куму. Поскольку одним только «трухменцам по уважению тому, что на землях их отходимых, верблюды их при Куме и Мочагах не могут выносить овода, дозволяется переходить через реку сию» и кочевать по следам калмыков по бассейну р. Калаус и по Ергенинской возвышенности. Переход строго ограничивался только в двух местах — при урочищах Джилян Кему и Гахаин Гаталан.

Сразу же обозначились проблемы территориальных и имущественных споров между калмыками и жителями Кавказского края. В предписании указывалось: «По выходе калмык весною из Мочагов, запрещается трухменцам вытравливать зимовые их места; а Кизлярским армянам и другим обывателям запрещается на оные гонять стада свои под видом Трухменских». Кроме того, как оказалось, туркмены и кизлярские армяне во время отсутствия калмыков на р. Куме и на Мочагах выжигали там камыш для «выгона и ловли зверей». Вытравливание зимовых мест, а также сжигание камыша, который служил укрытием и пищей для скота во время зимовок, обусловили будущие непреходящие конфликты калмыков с туркменами. Эти действия туркменов подрывали возможность для калмыцкого населения благополучно пережить зиму, служили причиной падёжа скота от голода и разорения калмыцких семей.

Вместе с тем, в 1809 г. большим шагом для ставропольских туркменов стало то, что были законодательно установлены территории кочевий, а именно: «Земли кочевныя, в уездах Кизлярском и Моздокском лежащая, определяются для кочевья народов Магометанского исповедования». Отдельно была решена проблема территориальных споров с оседлыми соседями, которые тоже занимались скотоводством: «Как при городе Моздок состоит весьма обширная дача, из коей каждую душу почти по пятидесяти десятин приходится. И как по городскому положению для выгона городского определена известная мера: то отделив из сей дачи по уважению нужд городских на каждую душу по 15 десятин земли удобной, остальную за тем обратить под заведение поселений, где по усмотрению местного губернского начальства найдется сие удобным; протчую же отнести для кочевья народов магометанского исповедования. Поселяне с кочевными народами смежные не должны препятствовать кочующим народам гонять зимой скот для пастьбы на оставшихся у них в пущь землях» [5, л. 62–64].

Отдельно власти пытались решить мирным путём самый животрепещущий вопрос для экономики ставропольских туркменов о водных ресурсах: «Владельцы и казённые поселяне не должны возбранять водопоев кочующему народу в водах прилегающих в кочевой кизлярской степи».

Чтобы хоть как-то снизить накал конфликтов с калмыками из-за зимовых мест, предполагалось «Приморские земли по положению о свободе рыболовства <...> в казённое ведомство поступить могущия, естли по определению правительствующего сената действительно в оное поступят <...> отдать караногайцам и трухменцам для зимняго кочевья» [5, л. 62–64].

Единственным ограничением для кочевых мест как калмыков, так и ставропольских туркменов были территории вокруг соляных озёр, на которых шли разработки соли. Вопрос о приближении к ним кочующего народа и дальнейшей «пастьбы скота» решался так: «При отходе таким образом для калмык и других кочующих народов поставляется правилом, чтоб солёные озёра, как на нагорной, так и на луговой степи лежащие, на коих соль ломается и вывозится сохраняемы были из землями к ним принадлежащими во всей прикосновенности. Так чтоб ни к ним, ни к дороге, по которой соль возится, близко ни какого кочевья, ни пастьбы кочеваго скота не было» [5, л. 62–64].

В дальнейшем проблема кочевых территорий была усугублена наплывом мангышских туркменов, желавших поселиться в Кавказской губернии. В 1813 г. главный пристав С. Л. Халчинский сообщил туркменскому приставу, сотнику Трухменцову, что «по отношению ко мне Астраханского гражданского губернатора и кавалера С. С. Андреевскаго препровождаю при сём к вам 22 семьи трухмен, вышедших из Мангышлака для поселения их между трухменами в введении вашем состоящими, именам их семейств прилагаю у сего именной список и предписываю, по прибытии их присоединить в трухменское общество и наблюдать как <...> о нахождении коих до постоянного там жительства рапортуйте мне ежемесячно. Отпусков же им ни куда, ни каких не делать, без моего на то предписания» [5, л. 75].

С увеличением численности кочевого населения и давления на них оседлых народов неизбежно повышалось количество конфликтов ставропольских туркменов с соседним кочевым народом — калмыками. Взаимные нападения и грабежи стали обыденным явлением туркменско-калмыцких отношений в первой половине XIX в. Так, весной 1834 г. астраханский военный губернатор В. Г. Пяткин отписал начальнику Кавказской области: «Из отношения моего от 27 прошедшего марта № 372 известно Вашему Превосходительству о неприятельском нападении 200 человек вооружённых трухмян на Калмыков Малодербетовского улуса бургулова и югусова рода, кои те трухмяны, убив двух Гелюнгов и одну женщину и ограбив у них весь скот, угнали оный неизвестно куда под прикрытием 100 человек. После того получены мною новья донесения о грабежах и разбоях производимых со стороны трухмян в разных калмыцких улусах» [6, л. 4].

Уровень и накал конфликтов, сопровождаемый массовыми взаимными набегами с сопутствующими грабежами и убийствами, между двумя кочевыми народами уже далеко выходил за рамки обычных территориальных споров, поэтому губернатор В. Г. Пяткин был вынужден принять меры: «для отвращения зловредных действий со стороны калмыков равномерно и трухмян разъезжающим по калмыцким степям большими вооружёнными партиями командирован мною туда состоящий при штабе моём чиновник особых поручений Г. ротмистр Иванов с командою конновооружённых козаков Астраханского казачьего войска в числе 1 000 человек при одном офицере и 2 урядниках» [6, л. 4–5]. Только принятие столь жёстких мер помогло снизить накал территориальных конфликтов, но стоит отметить. Однако уже к середине XIX в.

проблема территориальных конфликтов постепенно стала сходить на нет, по мере роста крестьянской колонизации в Ставропольскую губернию [8, с. 71]. Новые оседлые поселения разделили враждующие стороны, а в дальнейшем, последовательно наступая на кочевые территории, разрушили традиционную систему пастбищного скотоводства, став катализатором трансформаций традиционного образа жизни, изменению методов скотоводства и перехода к оседлому образу жизни ставропольских туркмен [3, с. 5].

Выводы

Таким образом, после ликвидации Калмыцкого ханства туркмены, оставшиеся и вернувшиеся на Волгу после 1771 г., оказались в трудной ситуации отсутствия собственных пастбищных территорий. В силу того, что в XVIII в. они были включены в систему кочевых мест калмыцких улусов, после ликвидации Калмыцкого ханства туркмены оказались вытеснены на Ставропольское нагорье, который был неблагоприятным районом для традиционного кочевого пастбищного скотоводства. Это стало причиной того, что в 1785 г. астраханский губернатор Н. Бекетов дал указание кочевать по р. Куме совместно с калмыками, но позже Высочайшим рескриптом от 9 мая 1785 г. туркмены были отделены от калмыков.

Вместе с тем для эффективного использования природных ресурсов в условиях кочевого хозяйства требовались установленные территории летних и зимних кочевий. Так, в период калмыцкого ханства туркмены кочевали совместно с калмыцкими улусами, но после 1785 г. кочевые места для туркменского скотоводства ограничивались небольшими территориями вокруг г. Моздока, а соседнее калмыцкое и ногайское население достаточно враждебно воспринимало туркмен, не давая возможности им вернуться к традиционным методам скотоводства. Вследствие чего с начала XIX в. туркменское население видит выход к возвращению традиционной системы совместных кочёвок с калмыцким населением, когда они кочевали «след в след калмыкам». Следует отметить, что попытки российской администрации разделить калмыков и туркмен оказались безуспешными. Это привело к тому, что в 1809 г. власти удовлетворили ходатайство о присоединении ставропольских туркмен к калмыкам.

Сразу после объединения калмыков с туркменами встал вопрос об отводе земель «трухменскому народу принадлежащих». Российская администрация отмечала, что хотя р. Кума считается границей между калмыками и другими кочующими народами «магометанского вероисповедания», но для туркменского населения было сделано исключение и разрешено кочевать по следам калмыков по бассейну р. Калаус и по Ергенинской возвышенности. В 1809 г. были законодательно установлены территории кочевий ставропольских туркмен, а именно: «Земли кочевная, в уездах Кизлярском и Моздокском лежащая, определяются для кочевья народов Магометанского исповедования». Установление кочевых территорий ставропольских туркмен в начале XIX в. привело к появлению условного термина «Трухменская степь». В перспективе это послужило началом периода длительных территориальных и имущественных споров между калмыками и жителями Кавказского края, которые решились сами собой по мере роста крестьянской колонизации в Ставропольскую губернию.

Список литературы

1. Бентковский, И. В. Трухмяне, кочующие в Ставропольской губернии / И. В. Бентковский // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Ставрополь : Тип. губернского правления, 1868. — Вып. 1. — С. 98–145.
2. Бларамберг, И. Ф. Кавказская рукопись: [Ист. и этногр. описания народов Сев. Кавказа] / И. Ф. Бларамберг. — Ставрополь : Книжное изд-во, 1992. — 239 с.
3. Брусина, О. И. Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции / О. И. Брусина // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — Москва : ИЗА РАН, 2008. — 42 с.
4. Володин, А. А. Трухменская степь и трухмены / А. А. Володин // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — 1908. — Вып. 38, отд. 1. — С. 1–98.
5. Государственный архив Ставропольского края (далее — ГАСК). — Ф. 408. — Оп. 1. — Д. 3.
6. ГАСК. — Ф. 408. — Оп. 1. — Д. 949.
7. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. — Санкт-Петербург ; Москва : Товарищество Вольф, 1899. — Т. 7: Центральная и черноземная и Донско-Каспийская степная области, ч. 2, очерк 5: Татары-ногаи Ставропольской губернии. — 304 с.
8. Курбанов, А. В. Ставропольские туркмены: Историко-этнографические очерки / А. В. Курбанов. — Санкт-Петербург : Языковой центр СПбГУ, 1995. — 237 с.
9. Тумаилов, М. Туркмены Северо-Кавказского края: (Краткий ист.-экон. очерк) / М. Тумаилов. — Полторацк (Асхабад) : Туркменгосиздат, 1925. — 34 с.
10. Фарфорковский, С. В. Туркмены (туркмены) Ставропольской губернии / С. В. Фарфорковский. — Казань : типо-лит. Имп. ун-та, 1911. — 42 с.
11. Щеглов, И. Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии: Материалы по исследованию полевого и скотоводческого хозяйства в Трухменской и Ачикулакской степи / И. Л. Щеглов. — Ставрополь : Тип. Губ. правления, 1911. — Т. 4: Бюджеты трухмен и ногайцев. — 483 с.

References

1. Bentkovskiy, I. V. Trukhmyane, kochuyushhie v Stavropolskoy gubernii [Turkmens wandering in the Stavropol province]. *Sbornik statisticheskikh svedeniy o Stavropolskoy gubernii* [Collection of statistical information about the Stavropol province]. Stavropol: Type of the provincial government; 1868, iss. 1, pp. 98–145.
2. Blaramberg, I. F. *Kavkazskaya rukopis* [Caucasian manuscript]. Stavropol: Publishing house; 1992, 239 p.
3. Brusina, O. I. Stavropolskie turkmeny. Etnokulturnoe razvitie, sotsialnye obychai, protsessy adaptatsii i integratsii [Stavropol Turkmens. Ethnocultural development, social customs, processes of adaptation and integration]. *Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii* [Research on applied and urgent ethnology]. Moscow: IEA RAS; 2008, 42 p.
4. Volodin, A. A. Trukhmenskaya step i trukhmeny [Turkmen steppe and trukhmen]. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza* [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. 1908, iss. 38, department 1, pp. 1–98.
5. *The State Archive of the Stavropol Territory (GASK)*. Found 408, inventory 1, case 3.
6. GASK. Found 408, inventory 1, case 949.
7. *Zhivopisnaya Rossiya: Otechestvo nashe v ego zemelnom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii*. [Picturesque Russia: Our Fatherland in its land, historical, tribal, economic and everyday significance]. Part 2. Essay V. Tatars-nogai Stavropolskoy gubernii [Tatars-Nogai of Stavropol province]. Saint Petersburg, Moscow: Wolf Partnership; 1899, vol. 7, 304 p.
8. Kurbanov, A. V. *Stavropolskie turkmeny: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Stavropol Turkmens: Historical and ethnographic essays]. Saint Petersburg: Language Center of Saint Petersburg State University; 1995, 237 p.
9. Tumailov, M. *Turkmeny Severo-Kavkazskogo kraya: (Kratkiy istoriko-ekonomicheskiy ocherk)* [Turkmens of the North Caucasus Region: (A brief historical and economic essay)]. Poltoratsk-(Askhabad): Turkmengosizdat; 1925, 34 p.
10. Farforovskiy, S. V. *Trukhmeny (turkmeny) Stavropolskoy gubernii* [Turkmen (Turkmens) Stavropol province]. Kazan: Tipo-litography Imperial University; 1911, 42 p.
11. Shcheglov, I. L. *Trukhmeny i nogaytsy Stavropolskoy gubernii: Materialy po issledovaniyu polevogo i skotovodcheskogo khozyaystva v Trukhmenskoy i Achikulakskoy stepi* [Turkmen and Nogai of Stavropol province: Materials on the study of field and cattle breeding in the Turkmen and Achikulak steppe]. Stavropol: Printing house of the Provincial Government; 1911, vol. 4, 483 p.

Информация об авторах

Кольцов П. М. — доктор исторических наук, профессор;
Шургучинов Р. С. — студент.

Information about the authors

Koltsov P. M. — Doctor of Historical Sciences, Professor;
Shurguchinov R. S. — student.

Вклад авторов

Кольцов П. М. — научное руководство, разработка концепции исследования, обоснование цели статьи, написание исходного текста, сведение всех данных, выводы;
Шургучинов Р. С. — работа в архиве, сбор и обработка материалов, поиск опубликованных источников, доработка текста, выводы.

Contribution of the authors

Koltsov P. M. — scientific guidance, development of the research concept, substantiation of the purpose of the article, writing the source text, summary of all data, final conclusions;
Shurguchinov R. S. — work in the archive, collection and processing of materials, search for published sources, revision of the text, final conclusions.

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 06.03.2023; approved after reviewing 23.03.2023; accepted for publication 27.03.2023.